

— Мне известно, что старший брат наследный принц получил высочайший приказ расследовать дело Юн Ци. Но я знаю их обоих, как никто другой. Мы с детства были близки! Измена, дворцовые интриги, тайные переписки... Юн Ци бы никогда не совершил ничего подобного. Не говоря уже о том, что, взяв его под стражу и подвергнув суровым допросам, вы не получите ответов или признаний, а лишь поставите его здоровье под угрозу! Ни для кого не секрет, что Дворец Наказаний славится чрезмерно жестокими пытками, а Юн Ци... Пусть он и храбрый, но его характер мягок и раним. Тем более, сейчас Юн Ци ранен... Вчера я тайно пробрался к нему, я очень переживал за него. Он очень сильно похудел. Мы разговаривали через окно, и он сказал, что ему нельзя покидать камеру. Он всего лишь попросил меня навестить матушку Ли за него...

С каждым словом, произнесённым Юн Линем, лицо Юн Шаня становилось всё мрачнее и мрачнее. Наблюдая за реакцией сына, императрица Шу не выдержала и воскликнула:

— Юн Линь, замолчи! Я столько раз запрещала тебе появляться во Дворце Наказаний, но ты, невероятный смельчак, решился тайком от меня проникнуть в это тёмное место! Чжан Чэнь, никчёмный пёс, совершенно не способен выполнять свои обязанности!

— Матушка, я...

— Ты идёшь со мной! И тебе строго запрещено появляться в покоях старшего брата и тревожить его!

Тело Юн Шаня бросало от жара к холоду, его сильно знобило, и в глазах стояла мутная рябь, однако он не мог позволить себе проявить слабость, потому старался держаться из последних сил. Стиснув зубы, он еле слышно обратился к матушке:

— Матушка, позвольте ему договорить. Юн Линь, Юн Ци сказал тебе что-нибудь ещё? Расскажи мне всё.

Юн Линь отвечал честно:

— Он поведал мне о своей незавидной участи. Допуская, что его жизнь может в скором времени оборваться, он лишь беспокоится о матушке Ли. Его гложет чувство вины за то, что он был мало ей предан и не уберег её от наказания. Я объяснил ему, что отец-император вместе с Юн Шанем внимательно изучат и проверят имеющиеся факты и рано или поздно расследуют его дело. Ведь это неслыханно — подвергать императорского сына казни, лишь опираясь на какие-то слухи и клевету! Я пытался убедить его, что Юн Шань лишь по высочайшему приказу взялся за его дело, и лучше не создавать ему трудностей, пока он всё не выяснит. Он выслушал меня и сказал... сказал...

— Что он сказал? — шёпотом спросил Юн Шань, слегка прищурился. Его сердце пропустило удар, а секундное молчание, казалось, длилось вечность.

Юн Линь понимал, что эти слова не могут быть правдой. Он долго мямлил что-то нечленораздельное:

— Старший брат, ты же понимаешь, что он редко с тобой бывает вместе... Да и твоё непонятное отношение совсем не внушает ему желаний что-либо говорить... Ты должен дать мне слово, что после моего рассказа ты не разозлишься на него.

Матушка Шу стояла в стороне и внимательно смотрела на Юн Линя, нахмурившись. Слушая разговор сыновей, она понимала, что дело плохо.

От слов, сорвавшихся с уст Юн Линя, внутри Юн Шаня разгорелся настоящий пожар, жаждающий вырваться наружу. Это можно было сравнить с канистрой с маслом, которая могла взорваться в любой момент. Императрица Шу притихла, у неё не хватало смелости вымолвить ни слова. Она прекрасно понимала, что, попытайся она вмешаться, этот смертоносный коктейль из бушующих ненависти и злобы выльется напрямик на неё, и тогда примирить двух братьев будет некому.

Юн Шань перевёл дыхание, прежде чем раздался его холодный голос:

— Говори.

Юн Линь несмело продолжил:

— Как только Юн Ци услышал твоё имя, его тут же бросило в дрожь. Он сказал, что очень боится тебя...

Юн Шань резко поднял взгляд на младшего брата, и его глаза захлестнула новая волна ярости.

Но юноша снова собрался с духом и, найдя в себе силы, чтобы сдержать очередной приступ гнева, медленно закрыл глаза. На его лице вдруг проступил румянец, внезапно исчезнувший, а затем лицо его сделалось настолько бледным, словно это был тонкий прозрачный лист бумаги.

В покоях повисла звенящая тишина. Атмосферой в комнате можно было душить осужденных на смерть.

Юн Линь устремил осторожный взгляд на Юн Шаня:

— Старший брат, ты сердишься?

— Я не сержусь. — Сильная дрожь охватила тело Юн Шаня, крепко стиснувшего зубы и медленно растянувшего губы в вымученной, даже жуткой улыбке. — Я наследник престола, а он заключённый. По всем правилам он и должен меня бояться. Быть устрашающим — это

хорошо. Я хочу, чтобы он меня боялся! — В голосе принца слышались едва различимые истеричные нотки, к его горлу подкатил ком. Казалось, Юн Шань вот-вот зальётся слезами.

Юноша был ошеломлён, но в душе ощущалась лишь ноющая пустота. Он закрыл блеснувшие было мокрым глаза, и, сделав несколько глубоких вдохов, почувствовал, как резко нахлынувшие эмоции медленно отступают. Затем вновь открыл глаза и, устремив свой взор на Юн Линя, спросил:

— Он лишь беспокоился за наложницу Ли, и ты вместо него нанёс ей визит?

— Да, — отозвался Юн Линь и украдкой посмотрел на Юн Шаня. Кто бы мог подумать, что юноша, кажется, робел перед старшим братом.

Пусть болезнь и ослабила Юн Шаня, однако его острый ум не был затуманен и продолжал оставаться ясным. Юн Шань внимательно всмотрелся в лицо Юн Линя, и выражение младшего не сулило ничего хорошего. В голову Юн Шаня закралось подозрение. Немного подумав, юноша ощутил, что его будто осенило. Его глаза расширились в удивлении, и, как только Юн Шань перевёл взгляд на брата, выражение его лица не скрывало гнева:

— Ты осмелился передать что-то наложнице Ли?

Императрица Шу, стоявшая в стороне, резко изменилась в лице. Она заметно побледнела, её сердце забилось чаще в жутком волнении.

— Ничего особенного...

— Что именно?

Юн Линь понимал, что он не сможет утаить это от старшего брата. Скрепя сердце, он промямлил:

— Всего лишь письмо... Но там нет ничего, кроме вопросов о её самочувствии...

В Юн Шане всё кипело от злости, и эта ярость неожиданно придала ему немного сил, на миг заставив забыть о своей слабости. Он присел на кровати, замахнулся и, будучи больше не в силах сдерживать свой гнев, влепить пощёчину Юн Линю.

Шлёп!

Звук хлёсткого удара разнёсся по покоям наследного принца.

От прилетевшей пощёчины, от которой Юн Линь так и не решился увернуться, в ухе младшего из братьев зажужжало.

Вид у Юн Шаня был действительно устрашающим: брови он свёл к переносице, в глазах плескался гнев, губы сжались в узкую полоску, в попытке усмирить гнев. Ударив младшего брата один раз, юноша не смог до конца успокоиться. Он снова занёс руку для нового удара, но в последний момент силы вдруг покинули его, заставив медленно упасть обратно на мягкую постель.

Матушка Шу испуганно вскрикнула, не на шутку разволновавшись, и бросилась к сыну, чтобы его придержать. Её голос дрожал, когда она произнесла:

— Юн Шань, в таком состоянии тебе нельзя так гневаться! Тебе нужно беречь силы, чтобы скорее выздороветь. Чан Дэфу! Немедленно отыщи лекарство и принеси его сюда! — В следующий миг женщина вытянула тонкую, изящную руку, совсем побледневшую, и, казалось, лишённую сил. Она резко замахнулась, и в этом движении чувствовалась необычайная сила и решимость. Дважды ударив Юн Линя, она начала бранить младшего сына: — Бесстыдная дрянь, ты хочешь вывести матушку из себя? Что именно это было за послание, которое ты передал?

От ударов щёки Юн Линя горели огнём — можно было заметить, что они слегка припухли. Прикрывая лицо, юноша поспешно объяснил:

— Там действительно не было ничего особенного, я лично проверил... Он просто поприветствовал матушку Ли, справился о её здоровье и пытался убедить её, что ей не стоит беспокоиться, старался утешить. Ещё там было что-то о его дяде и наставниках. По большей части там не было ничего важного, только стихи...

Императрица Шу была готова свалиться без чувств. Она глядела на своего недалёкого младшего сына, который совсем не осознавал серьёзности своего проступка, и не могла сдержать брани, обращаясь к нему:

— Бестолковый! Мог бы заодно поинтересоваться, за что его конвоировали обратно в столицу! Эти послания... Эта передача писем является смертельным доказательством заговора! Если раскроется, что ты, глупец, лично передавал их переписку, то тебя тоже обвинят в заговоре! — кричала женщина в приступе гнева, нанося ещё несколько безжалостных ударов Юн Линю.

На лице юноши показались четыре налившихся кровью следа: перстень на руке матушки Шу повредил нежную кожу, однако Юн Линь не придавал этому особого значения. Всё, что он мог, так это поражённо уставиться на разгневанную матушку, осознавая, насколько серьёзную ошибку он совершил. Паника медленно подступала, вызвав у Юн Линя оцепенение. Еле собравшись с мыслями, он произнёс:

— Юн Ци лично отдал мне послание, и я сам отнёс его матушке Ли, как кто-то может об этом узнать?

Злость Юн Шаня начинала отступать, но его продолжало лихорадить. Его состояние стало совсем незавидным — юноша находился на грани обморока. С большим трудом ему удалось разомкнуть губы и тихо произнести:

— Матушка, сейчас у нас нет времени, чтобы объяснять ему, что к чему, он всё равно не видит всей картины... Я думаю, нам стоит заранее подготовиться — наиболее вероятно, что послание уже находится в руках наложницы Цзин.

Матушка Шу лишь кивнула головой в ответ.

Юн Шань шумно выдохнул и, обращаясь к Юн Линю, снова спросил:

— Когда ты доставлял послание, тебя кто-нибудь видел?

Юн Линь начал вспоминать произошедшее, но вскоре ответил, покачав головой:

— В Холодном дворце не так много слуг, к тому же, пока я шёл, мне не повстречалось ни одной живой души. Лишь два стражника стояли у дверей маленькой комнаты, той, в которой живет наложница Ли. Они меня и впустили.

Лицо матушки Шу тут же помрачнело.

— Через несколько дней об этом станет известно всем, — сказала она после недолгого молчания. — И тогда эти стражи дадут показания против тебя.

Юн Линь в страхе опустил вниз, не смея вымолвить и слова.

Всё это время Юн Шань пребывал в задумчивом молчании, как вдруг на его лице отразилась решимость. Было ясно, что он уже что-то придумал. Юноша обратился к матушке:

— Матушка, Вам с Юн Линем лучше вернуться домой, мне необходимо хорошенько подумать над всем этим. Не стоит сильно переживать, ведь даже если послание попало к ним, оно не сразу покинет их карман. Они не глупы и явно будут выжидать подходящего момента, чтобы предоставить столь веское доказательство. А ты, Юн Линь, как только вернёшься во дворец, больше не смей покидать его.

Матушка Шу поспешила заверить сына:

— Не стоит волноваться, как только мы вернёмся домой, я сразу же посажу его под замок.

Юн Шань отдал страже приказ проводить наложницу Шу и Юн Линя, а сам остался лежать на

постели, сверля взглядом выгравированные на верху кровати глаз дракона и хвост феникса в течение нескольких минут. Через какое-то время он подзвал к себе Чана Дэфу, приказав:

— Отправляйся во Дворец Наказаний и передай им мои слова: я хочу, чтобы они немедленно прислали ко мне Его Высочество Юн Ци.

<http://bllate.org/book/13372/1189552>